

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Пикник на обочине

Аркадий и Борис Стругацкие

Пикник на обочине

«Наследник Стругацких»

«Автор»

1972

Стругацкие А.

Пикник на обочине / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор», 1972

«Счастье для всех, и пусть никто не уйдёт обиженным!» Знаковые слова... Шедевр братьев Стругацких. Жёсткая, бесконечно увлекательная и в то же время бесконечно философская книга. Время идёт... Но история загадочной Зоны и лучшего из её сталкеров – Рэда Шухарта – по-прежнему тревожит и будоражит читателя.

© Стругацкие А., 1972

© Наследник Стругацких, 1972

© Автор, 1972

Содержание

1. РЭДРИК ШУХАРТ, 23 ГОДА, ХОЛОСТ,	8
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

*Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего
сделать.*

Р. П. Уоррен

*Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора
Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за
19.. год*

– ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?

– Полагаю, что нет. Радиант Пильмана – это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана – понятие, известное всякому школьнику.

– Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» – там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

– Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы объяснить нашим слушателям, доктор Пильман...

– Послушайте, земляк. Радиант Пильмана – это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля – Денеб. Денеб – это альфа созвездия Лебеда, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

– Благодарю вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец-то нам толком объяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно тринадцать лет со дня Посещения. Доктор Пильман, может быть, вы скажете своим землякам несколько слов по этому поводу?

– Что именно их интересует? Имейте в виду, в Хармонте меня тогда не было...

– Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город оказался объектом нашествия инопланетной сверхцивилизации...

– Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка. Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком Хармонте может случиться что-нибудь подобное. Восточная Сибирь, Уганда, Южная Атлантика – это еще куда ни шло, но Хармонт!

– Однако в конце концов вам пришлось поверить.

– В конце концов – да.

– И что же?

– Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять Зон Посещения... впрочем, виноват, тогда было известно только четыре... Что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в «Нэйчур».

– И вас несколько не взволновала судьба родного города?

– Видите ли, в то время я уже верил в Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожи-

рающих стариков и детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными королевскими танковыми частями.

– Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал... Однако вернемся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о Посещении?

– Первым и последним.

– Но вы, без сомнения, внимательно следили все это время за ходом международных исследований в Зонах Посещения...

– Да... Время от времени я листаю «Доклады».

– Вы имеете в виду «Доклады Международного Института Внеземных Культур»?

– Да.

– И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?

– Сам факт Посещения.

– Простите?

– Сам факт Посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать лет, но и за все время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потом. Важно то, что теперь человечество твердо знает: оно не одиноко во Вселенной. Боюсь, что Институту Внеземных Культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие.

– Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных ученых полагает, что находки в Зонах Посещения способны изменить весь ход нашей истории.

– Н-ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

– Однако вы уже два года являетесь консультантом Комиссии ООН по проблемам Посещения...

– Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в Зонах, распорядился только Международный Институт.

– А разве на эти чудеса посягает еще кто-нибудь?

– Да.

– Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

– Я не знаю, что это такое.

– Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия.

– Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

– Еще бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман...

– Имеет место постоянная утечка материалов из Зон Посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

– Нельзя ли чуточку поконкретней, доктор?

– Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует мое мнение о несравненной Гвади Мюллер?

- О, разумеется! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как ученого не тянет самому заняться инопланетными чудесами?
- Как вам сказать... Пожалуй.
- Значит, можно надеяться, что хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города?
- Не исключено.

1. РЭДРИК ШУХАРТ, 23 ГОДА, ХОЛОСТ, ЛАБОРАНТ ХАРМОНТСКОГО ФИЛИАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА ВНЕЗЕМНЫХ КУЛЬТУР

Накануне стоим это мы с ним в хранилище – уже вечером, остается только спецовки сбросить, и можно закатиться в «Боржч», принять в организм капельку-другую крепкого. Я стою просто так, стену подпираю, свое отработал и уже держу наготове сигаретку, курить хочется дико – два часа не курил, а он все возится со своим добром: один сейф загрузил, запер и опечатал, теперь другой загружает – берет с транспортера «пустышки», каждую со всех сторон осматривает (а она тяжелая, сволочь, шесть с половиной кило, между прочим) и с кряхтением аккуратненько водворяет на полку.

Сколько уже времени он с этими «пустышками» бьется, и, по-моему, без всякой пользы для человечества. На его месте я давным-давно бы уже плюнул и чем-нибудь другим занялся за те же деньги. Хотя, с другой стороны, если подумать, «пустышка» действительно штука загадочная и какая-то невразумительная, что ли. Сколько я их на себе перетаскал, а все равно, каждый раз как увижу – не могу, поражаюсь. Всего-то в ней два медных диска с чайное блюдце, миллиметров пять толщиной, и расстояние между дисками миллиметров четыреста, и, кроме этого расстояния, ничего между ними нет. То есть совсем ничего, пусто. Можно туда просунуть руку, можно и голову, если ты совсем обалдел от изумления, – пустота и пустота, один воздух. И при всем при том что-то между ними, конечно, есть, сила какая-то, как я это понимаю, потому что ни прижать их, эти диски, друг к другу, ни растащить их никому еще не удавалось.

Нет, ребята, тяжело эту штуку описать, если кто не видел, очень уж она проста на вид, особенно когда приглядишься и поверишь, наконец, своим глазам. Это все равно что стакан кому-нибудь описывать или, не дай бог, рюмку: только пальцами шевелишь и чертыхаешься от полного бессилия. Ладно, будем считать, что вы все поняли, а если кто не понял, возьмите институтские «Доклады» – там в любом выпуске статьи про эти «пустышки» с фотографиями...

В общем, Кирилл бьется с этими «пустышками» уже почти год. Я у него с самого начала, но до сих пор не понимаю толком, чего он от них добивается, да, честно говоря, и понять особенно не стремлюсь. Пусть он сначала сам поймет, сам разберется, вот тогда я его, может быть, послушаю. А пока мне ясно одно: надо ему во что бы то ни стало какую-нибудь «пустышку» раскурочить, кислотами ее протравить, под прессом расплющить, расплавить в печи. И вот тогда станет ему все понятно, будет ему честь и хвала, и вся мировая наука аж содрогнется от удовольствия. Но покуда, как я понимаю, до этого еще очень далеко. Ничего он покуда не добился, замучился только вконец, серый какой-то стал, молчаливый, и глаза у него сделались как у больного пса, даже слезятся. Будь на его месте кто еще, напоил бы я его в дым, свел бы к хорошей девке, чтобы расшевелила, а наутро бы снова напоил и снова к девке, к другой, и был бы он у меня через неделю как новенький – уши торчком, хвост пистолетом. Только вот Кириллу это лекарство не подходит – не стоит и предлагать, не та порода.

Стоим, значит, мы с ним в хранилище, смотрю я на него, какой он стал, как у него глаза запали, и жалко мне его стало, сам не знаю как. И тогда я решился. То есть даже не сам я решился, а словно меня кто-то за язык потянул.

– Слушай, – говорю, – Кирилл...

А он как раз стоит, держит на весу последнюю «пустышку», и с таким видом, словно так бы в нее и влез.

– Слушай, – говорю, – Кирилл! А если бы у тебя была полная «пустышка», а?

– Полная пустышка? – переспрашивает он и брови сдвигает, будто я с ним по-тарабарски заговорил.

– Ну да, – говорю. – Эта твоя гидромагнитная ловушка, как ее... объект семьдесят семь-бэ. Только с дерьмом каким-то внутри, с синеньким.

Вижу, начало до него доходить. Поднял он на меня глаза, прищурился, и появился у него там, за собачьей слезой, какой-то проблеск разума, как он сам обожает выражаться.

– Постой, – говорит он. – Полная? Вот такая же штука, только полная?

– Ну да.

– Где?

Все, вылечился мой Кирилл. Уши торчком, хвост пистолетом.

– Пойдем, – говорю, – покурим.

Он живо сунул «пустышку» в сейф, прихлопнул дверцу, запер на три с половиной оборота, и пошли мы с ним обратно в лабораторию. За пустую «пустышку» Эрнест дает четыреста монет наличными, а за полную я бы из него, сукина сына, всю его поганую кровь выпил, но хотите верьте, хотите нет, а я об этом даже не подумал, потому что Кирилл у меня ну просто ожил, снова стал как струна, аж звенит весь, и по лестнице скачет через четыре ступеньки, закурить человеку не дает. В общем, все я ему рассказал: и какая она, и где лежит, и как к ней лучше всего подобраться. Он сразу же вытащил карту, нашел этот гараж, пальцем его прижал, посмотрел на меня и, ясное дело, сразу все про меня понял, да и чего здесь было не понять...

– Ай да ты! – говорит он, а сам улыбается. – Ну что же, надо идти. Давай прямо завтра утром. В девять я закажу пропуска и «галошу», а в десять благословясь выйдем. Давай?

– Давай, – говорю. – А кто третий?

– А зачем нам третий?

– Э, нет, – говорю. – Это тебе не пикник с девочками. А если что-нибудь с тобой случится? Зона, – говорю. – Порядок должен быть.

Он слегка усмехнулся, пожал плечами:

– Как хочешь! Тебе виднее.

Еще бы не виднее! Конечно, это он свеликодушничал, для меня старался: третий лишний, сбегает вдвоем, и все будет шито-крыто, никто про тебя не догадается. Да только я знаю, институтские вдвоем в Зону не ходят. У них такой порядок: двое дело делают, а третий смотрит и, когда его потом спросят, – расскажет.

– Лично я бы взял Остина, – говорит Кирилл. – Но ты его, наверное, не захочешь. Или ничего?

– Нет, – говорю. – Только не Остина. Остина ты в другой раз возьмешь.

Остин парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но он, по моему, уже отмеченный. Кириллу этого не объяснишь, но я-то вижу: вообразил человек о себе, будто Зону знает и понимает до конца, – значит, скоро гробанется. И пожалуйста. Только без меня.

– Ну хорошо, – говорит Кирилл. – А Тендер?

Тендер – это его второй лаборант. Ничего мужик, спокойный.

– Староват, – говорю я. – И дети у него...

– Ничего. Он в Зоне уже бывал.

– Ладно, – говорю. – Пусть будет Тендер.

В общем, он остался сидеть над картой, а я поскакал напрямик в «Боржч», потому что жрать хотелось невмоготу и в глотке пересохло.

Ладно. Являюсь я утром, как всегда, к девяти, предъявляю пропуск, а в проходной дежурит этот дылдоватый сержант, которого я в прошлом году отметелил, когда он по пьяному делу стал приставать к Гуте.

– Здорово, – он мне говорит. – Тебя, – говорит, – Рыжий, по всему Институту ищут... Тут я его так вежливо прерываю:

– Я тебе не Рыжий, – говорю. – Ты мне в приятели не набивайся, шведская оглобля.

– Господи, Рыжий! – говорит он в изумлении. – Да тебя же все так зовут.

А я перед Зоной взвинченный, да еще трезвый вдобавок – взял я его за портупею и во всех подробностях выдал, кто он такой есть и почему от своей родительницы произошел. Он плюнул, вернул мне пропуск и уже без всех этих нежностей:

– Рэдрик Шухарт, – говорит, – вам приказано немедленно явиться к уполномоченному отдела безопасности капитану Херцогу.

– Вот то-то, – говорю я. – Это другое дело. Учись, сержант, в лейтенанты выбьешься.

А сам думаю: это что еще за новости? Какого это для понадобился я капитану Херцогу в служебное время? Ладно, иду являться. У него кабинет на третьем этаже, хороший кабинет, и решетки там на окнах, как в полиции. Сам Вилли сидит за своим столом, сипит своей трубкой и разводит писанину на машинке, а в углу копается в железном шкафу какой-то сержантик, новый какой-то, не знаю я его. У нас в Институте этих сержантов больше, чем в дивизии, да все такие дородные, румяные, кровь с молоком, – им в Зону ходить не надо, и на мировые проблемы им наплевать.

– Здравствуйте, – говорю я. – Вызывали?

Вилли смотрит на меня как на пустое место, отодвигает машинку, кладет перед собой толстенную папку и принимается ее листать.

– Рэдрик Шухарт? – говорит.

– Он самый, – отвечаю, а самому смешно – сил нет. Нервное такое хихиканье подмывает.

– Сколько времени работаете в Институте?

– Два года, третий.

– Состав семьи?

– Один я, – говорю. – Сирота.

Тогда он поворачивается к своему сержантику и строго ему приказывает:

– Сержант Луммер, ступайте в архив и принесите дело номер сто пятьдесят.

Сержантик козырнул и смылся, а Вилли захлопнул папку и сумрачно так спрашивает:

– Опять за старое взялся?

– За какое такое старое?

– Сам знаешь, за какое. Опять на тебя материал пришел.

Так, думаю.

– И откуда материал?

Он нахмурился и стал в раздражении колотить своей трубкой по пепельнице.

– Это тебя не касается, – говорит. – Я тебя по старой дружбе предупреждаю: брось это дело, брось навсегда. Ведь во второй раз сцапают – шестью месяцами не отделаешься. А из Института тебя вышибут немедленно и навсегда, понимаешь?

– Понимаю, – говорю. – Это я понимаю. Не понимаю только, какая же это сволочь на меня настучала...

Но он уже опять смотрит на меня оловянными глазами, сипит пустой трубкой и знай себе листает папку. Это, значит, вернулся сержант Луммер с делом номер сто пятьдесят.

– Спасибо, Шухарт, – говорит капитан Вилли Херцог по прозвищу Боров. – Это все, что я хотел выяснить. Вы свободны.

Ну, я пошел в раздевалку, натянул спецовочку, закурил, а сам все время думаю: откуда же это звон идет? Ежели из Института, то ведь это все вранье, никто здесь про меня ничего не знает и знать не может. А если телегу из полиции прислали... опять-таки, что они там могут знать, кроме моих старых дел? Может, Стервятник попался? Эта сволочь, чтобы себя выгородить, кого хочешь утопит. Но ведь и Стервятник обо мне теперь ничего не знает... Думал я, думал,

ничего полезного не придумал и решил – наплевать! Последний раз ночью я в Зону ходил три месяца назад, хабар почти весь уже сбыл и деньги почти все растратил. С поличным не поймали, а теперь черта меня возьмешь, я скользкий.

Но тут, когда я уже поднимался по лестнице, меня вдруг осенило, да так осенило, что я вернулся в раздевалку, сел и снова закурил. Получалось, что в Зону-то мне идти сегодня нельзя. И завтра нельзя, и послезавтра. Получалось, что я опять у этих легавых жаб на заметке, не забыли они меня, а если и забыли, то им кто-то напомнил. И теперь уже неважно, кто именно. Никакой же сталкер, если он совсем не свихнулся, на пушечный выстрел к Зоне не подойдет, когда знает, что за ним следят. Мне сейчас в самый темный угол залезть надо. Какая, мол, Зона? Я туда, мол, и по пропускам-то не хожу который месяц! Что вы, понимаешь, привязались к честному лаборанту?

Обдумал я все это и вроде бы даже облегчение почувствовал, что в Зону мне сегодня идти не надо. Только как это все поделикатнее сообщить Кириллу?

Я ему сказал прямо:

– В Зону не иду. Какие будут распоряжения?

Сначала он, конечно, вылупил на меня глаза. Потом, видно, что-то сообразил: взял меня за локоть, отвел к себе в кабинетик, усадил за свой столик, а сам примостился рядом на подоконнике. Закурили. Молчим. Потом он осторожно так меня спрашивает:

– Что-нибудь случилось, Рэд?

Ну что я ему скажу?

– Нет, – говорю, – ничего не случилось. Вчера вот в покер двадцать монет продул – здорово этот Нуан играет, шельма...

– Подожди, – говорит он. – Ты что, раздумал?

Тут я даже закричал от натуги.

– Нельзя мне, – говорю ему сквозь зубы. – Нельзя мне, понимаешь? Меня сейчас Херцог к себе вызывал.

Он обмяк. Опять у него несчастный вид сделался, и опять у него глаза стали как у больного пуделя. Передохнул он этак судорожно, закурил новую сигарету от окурка старой и тихо говорит:

– Можешь мне поверить, Рэд, я никому ни слова не сказал.

– Брось, – говорю. – Разве о тебе речь?

– Я даже Тендеру еще ничего не сказал. Пропуск на него выписал, а самого даже не спросил, пойдет он или нет...

Я молчу, курю. Смех и грех, ничего человек не понимает.

– А что тебе Херцог сказал?

– Да ничего особенного, – говорю. – Настучал кто-то на меня, вот и все.

Посмотрел он на меня как-то странно, соскочил с подоконника и стал ходить по своему кабинету взад-вперед. Он по кабинету бежит, а я сижу, дым пускаю и помалкиваю. Жалко мне его, конечно, и обидно, что так по-дурацки получилось: вылечил, называется, человека от меланхолии. А кто виноват? Сам я и виноват. Поманил дитятю пряником, а пряник-то в заначке, а заначку сердитые дяди стерегут... Тут он перестает бегать, останавливается около меня и, глядя куда-то вбок, неловко спрашивает:

– Слушай, Рэд, а сколько она может стоять – полная «пустышка»?

Я сначала его не понял, подумал сначала, что он ее еще где-нибудь купить рассчитывает, да только где ее такую купишь, может быть, она всего одна такая на свете, да и денег у него на это не хватило бы: откуда у него деньги – у иностранного специалиста, да еще русского? А потом меня словно обожгло: что же это он, поганец, думает – я из-за зелененьких эту бодягу развел? Ах ты, думаю, стервец, да за кого же ты меня принимаешь?.. Я уже рот раскрыл, чтобы обложить его в бога, в сердце, в печень. И осекся. Потому что, действительно, а за кого ему

меня еще принимать? Сталкер – он сталкер и есть, ему бы только зелененьких побольше, он за зелененькие жизнью торгует. Вот и получалось, что вчера я, значит, удочку забросил, а сегодня приманку вожу, цену набиваю.

У меня даже язык отнялся от таких мыслей, а он на меня смотрит пристально, глаз не сводит, и в глазах его я вижу не презрение даже, а понимание, что ли. И тогда я спокойно ему объяснил.

– К гаражу, – говорю, – еще никто никогда с пропуском не ходил. Туда еще трасса не провешена, ты это знаешь. Теперь возвращаемся мы назад, и твой Тендер начинает хвастаться, как махнули мы прямо к гаражу, взяли что надо и сразу обратно. Словно бы на склад сходили. И каждому будет ясно, – говорю, – что заранее мы знали, за чем идем. А это значит, что кто-то нас навел. А уж кто из нас троих навел – здесь комментариев не нужно. Понимаешь, чем это для меня пахнет?

Кончил я свою речь, смотрим мы друг другу в глаза и молчим. Потом он вдруг хлопнул ладонью о ладонь, руки потер и бодрячком таким объявляет:

– Ну что ж, нет так нет. Я тебя понимаю, Рэд, и осуждать не могу. Пойду сам. Авось обойдется. Не в первый раз...

Расстелил он на подоконнике карту, уперся руками, сторбился над ней, и вся его бодрость прямо-таки на глазах испарилась. Слышу – бормочет:

– Сто двадцать метров... даже сто двадцать два... И что там еще в самом гараже... Нет, не возьму я Тендера. Как ты думаешь, Рэд, может, не стоит Тендера брать? Все-таки у него двое детей...

– Одного тебя не выпустят, – говорю я.

– Ничего, выпустят... – бормочет он. – У меня все сержанты знакомые... и лейтенанты. Не нравятся мне эти грузовики! Тринадцать лет под открытым небом стоят, а все как новенькие... В двадцати шагах бензовоз – ржавый, как решето, а они будто только что с конвейера... Ох уж эта Зона!

Поднял он голову от карты и уставился в окно. И я тоже уставился в окно. Стекла в наших окнах толстые, свинцовые, а за стеклами – Зона-матушка, вот она, рукой подать, вся как на ладони с тринадцатого этажа...

Так вот посмотришь на нее – земля как земля. Солнце на нее как на всю остальную землю светит, и ничего вроде бы на ней не изменилось, все вроде бы как тринадцать лет назад. Папаша, покойник, посмотрел бы и ничего бы особенного не заметил, разве что спросил бы: чего это завод не дымит, забастовка, что ли?.. Желтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... Индустриальный пейзаж, одним словом. Только людей нет. Ни живых, ни мертвых. Вон и гараж виден: длинная серая кишка, ворота нараспашку, а на асфальтовой площадке грузовики стоят. Тринадцать лет стоят, и ничего им не делается. Это он правильно насчет грузовиков отметил – соображает. Упаси бог между двумя машинами сунуться, их надо стороной обходить... Там одна трещина есть в асфальте, если только с тех пор колючкой не заросла... Сто двадцать два метра – это откуда же он считает? А! Наверное, это он от крайней вешки считает. Правильно, оттуда больше и не будет. Все-таки продвигаются очкарики помаленьку... Смотри, до самого отвала дорогу повесили, да как ловко повесили! Вон она, та канавка, где Слизняк гробанулся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Мослатый Слизняку: «Держись, дурак, от канав подальше, а то ведь и хоронить нечего будет...» Как в воду глядел – нечего хоронить... С Зоной ведь так: с хабаром вернулся – чудо, живой вернулся – удача, патрульная пуля – везенье, а все остальное – судьба...

Тут я посмотрел на Кирилла и вижу: он за мной искоса наблюдает. И лицо у него такое, что я в этот момент снова все перерешил. Ну их, думаю, всех к черту, что они, в конце концов, жабы, сделать могут? Он бы мог и вообще ничего не говорить, но он сказал.

– Лаборант Шухарт, – говорит. – Из официальных – подчеркиваю: из официальных! – источников я получил сведения, что осмотр гаража может принести большую пользу науке. Есть предложение осмотреть гараж. Премияльные гарантирую. – А сам улыбается что твоя майская роза.

– Из каких же это официальных источников? – спрашиваю я и тоже ему улыбаюсь как дурак.

– Это конфиденциальные источники, – отвечает он. – Но вам я могу сообщить... – Тут он перестал улыбаться и насупился. – Скажем, от доктора Дугласа.

– А, – говорю, – от доктора Дугласа... От какого же это Дугласа?

– От Сэма Дугласа, – говорит он сухо. – Он погиб в прошлом году.

У меня мурашки по коже пошли. Так и так тебя! Кто же перед выходом говорит о таких вещах? Хоть кол им, очкарикам, на голове теши – ничего не соображают... Ткнул я окуроч в пепельницу и говорю:

– Ладно. Где твой Тендер? Долго мы его еще ждать будем?

Словом, больше мы на эту тему не говорили. Кирилл позвонил в ППС, заказал «летучую галошу», а я взял карту и посмотрел, что у них там нарисовано. Ничего себе нарисовано, в норме. Фотографическим путем – сверху и с большим увеличением. Даже рубчики видны на крышке, которая валяется у ворот гаража. Нашему бы брату сталкеру такую карту... А впрочем, черта от нее толку ночью-то, когда задницу звездам показываешь и собственных рук не видно...

А тут и Тендер появился. Красный, запыхался. Дочка у него заболела, за доктором бегал. Извиняется за опоздание. Ну, мы ему и поднесли подарочек – в Зону идти. Сперва он даже запыхиваться забыл, сердяга. «Как так в Зону? – говорит. – Почему – я?» Однако, услышав про двойные премияльные и про то, что Рэд Шухарт тоже идет, оправился и задышал снова.

В общем, спустились мы в «будуар», Кирилл смотался за пропусками, предъявили мы их еще одному сержанту, и выдал нам этот сержант по спецкостюму. Вот это полезная вещь. Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет – любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит, глазом не моргнет. Я уж давно поклялся, что изловчусь как-нибудь и сопру один обязательно. На первый взгляд – ничего особенного, костюм такой вроде водолазного и шлем как у водолаза, с большим окном впереди. Даже не вроде водолазного, а скорее как у летчика-реактивщика или, скажем, у космонавта. Легкий, удобный, нигде не жмет, и от жары в нем не потеешь. В таком костюмчике и в огонь можно, и газ через него никакой не проникает. Пуля, говорят, и то не берет. Конечно, и огонь, и иприт какой-нибудь, и пуля – это все земное, человеческое. В Зоне ничего этого нет, в Зоне не этого надо опасаться. В общем, что там говорить, и в спецкостюмах тоже мрут как миленькие. Другое дело, что без них мерли бы, может быть, еще больше. От «жгучего пуха», например, эти костюмы на сто процентов спасают. Или от плевков «чертовой капусты»... Ладно.

Натянули мы спецкостюмы, пересыпал я гайки из мешочка в набедренный карман, и побрели мы через весь институтский двор к выходу в Зону. Так здесь у них это заведено, чтобы все видели: вот, мол, идут герои науки живот свой класть на алтарь во имя человечества, знания и святого духа, аминь. И точно – во все окна аж до пятнадцатого этажа хайла сочувствующие повывставлялись, только что платочками не машут и оркестра нет.

– Шире шаг, – говорю я Тендеру. – Брюхо подбери, слабосильная команда! Благодарное человечество тебя не забудет!

Посмотрел он на меня, и вижу я, что ему не до шуток. И правильно – какие уж тут шуточки!.. Но когда в Зону выходишь, то уж одно из двух: либо плачь, либо шути, – а я сроду не плакал. Посмотрел я на Кирилла. Ничего держится, только губами шевелит, вроде молится.

– Молишься? – спрашиваю. – Молись, – говорю, – молись! Дальше в Зону – ближе к небу...

– Что? – спрашивает он.

– Молись! – кричу. – Сталкеров в рай без очереди пропускают!

А он вдруг улыбнулся и похлопал меня ладонью по спине: не бойся, мол, со мной не пропадешь, а если и пропадешь, то умираем, мол, один раз. Нет, смешной он парень, ей-богу.

Сдали мы пропуска последнему сержанту – на этот раз, в порядке исключения, это лейтенант оказался, я его знаю, у него папаша кладбищенскими оградами в Рексополе торгует, – а «летучая галоша» уже тут как тут, подогнали ее ребята из ППС и поставили у самой проходной. Все уже тут как тут: и «скорая помощь», и пожарники, и наша доблестная гвардия, бесстрашные спасатели, – куча отъевшихся бездельников со своим вертолетом. Глаза б мои на них не глядели!

Поднялись мы на «галошу», Кирилл встал за управление и говорит мне:

– Ну, Рэд, командуй.

Я без всякой торопливости приспустил «молнию» на груди, достал из-за пазухи флягу, хлебнул как следует, крышечку завинтил и сунул флягу обратно за пазуху. Не могу без этого. Который раз в Зону иду, а без этого – нет, не могу. Они оба на меня смотрят и ждут.

– Так, – говорю. – Вам не предлагаю, потому что иду с вами впервые и не знаю, как на вас действует спиртное. Порядок у нас будет такой. Все, что я сказал, выполнять мигом и беспрекословно. Если кто замешкается или там начнет вопросы задавать – буду бить по чему попало, извиняюсь заранее. Вот я, например, тебе, господин Тендер, прикажу: на руки встань и иди. И в тот же момент ты, господин Тендер, должен зад свой толстый задрать и выполнять, что тебе сказано. А не исполнишь – дочку свою больную, может, и не увидишь больше. Понятно? Но уж я позабочусь, чтобы ты увидел.

– Ты, Рэд, главное, приказать не забудь, – сипит Тендер, а сам весь красный, уже потеет и губами шлепает. – Уж я на зубах пойду, не то что на руках. Не новичок.

– Вы для меня оба новички, – говорю. – А уж приказать я не забуду, будь покоен. Кстати, ты «галошу» водить умеешь?

– Умеет, – говорит Кирилл. – Хорошо водит.

– Хорошо так хорошо, – говорю. – Тогда с богом. Опустить забрала! Малый вперед по вешкам, высота три метра! У двадцать седьмой вешки – остановка.

Кирилл поднял «галошу» на три метра и дал малый вперед, а я незаметно повернул голову и тихонько дунул через левое плечо. Смотрю – гвардейцы-спасатели в свой вертолет полезли, пожарники встали от почтительности, лейтенант в дверях проходной честь нам, дурак, отдает, а над всеми над ними – здоровенный плакат, уже выцветший: «Добро пожаловать, господа пришельцы!» Тендер нацелился было им всем ручкой сделать, но я ему так в бок двинул, что у него сразу эти церемонии из головы вылетели. Я тебе покажу – попрощаться. Ты у меня попрощаешься, морда твоя толстозадая!..

Поплыли.

Справа у нас был Институт, слева – Чумной квартал, а мы шли от вешки к вешке по самой середине улицы. Ох и давно же по этой улице никто не ходил и не ездил! Асфальт весь потрескался, трещины проросли травой, но это еще была наша трава, человеческая. А вот на тротуаре по левую руку росла уже черная колючка, и по этой колючке было видно, как четко Зона себя обозначает: черные заросли у самой мостовой словно косой срезало. Нет, пришельцы эти все-таки приличные ребята были. Нагадили, конечно, много, но сами же своему дерьму обозначили ясную границу. Ведь даже «жгучий пух» на нашу сторону из Зоны – ни-ни, хотя, казалось бы, его ветром как попало мотает...

Дома в Чумном квартале облупленные, мертвые, однако стекла в окнах почти везде целы, грязные только и потому как бы слепые. А вот ночью, когда проползаешь мимо, очень хорошо видно, как внутри там светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это «ведьмин студень» из подвалов дышит. А вообще так вот посмотришь – квартал как квартал,

дома как дома, ремонта, конечно, требуют, но ничего особенного в них нет, людей только не видно. Вот в этом кирпичном доме, между прочим, жил наш учитель арифметики по прозвищу Запятая. Зануда он был и неудачник, вторая жена у него ушла перед самым Посещением, а у дочери бельмо на глазу было, так мы ее, помню, до слез задрозывали. Когда паника началась, он со всеми прочими из этого квартала в одном белье до самого моста бежал – все шесть километров без передышки. Потом долго чумкой болел, кожа с него слезла, ногти. Почти все, кто в этом квартале жил, чумкой переболели, поэтому-то квартал и называется Чумным. Некоторые померли, но главным образом старики, да и то не все. Я, например, думаю, что они не от чумки померли, а от страха. Страшно было очень.

А вот в тех трех кварталах люди слепли. Теперь эти кварталы так и называются: Первый Слепой, Второй Слепой... Не до конца слепли, а так, вроде куриной слепоты. Между прочим, рассказывают, что ослепли они будто бы не от вспышки какой-нибудь там, хотя вспышки, говорят, тоже были, а ослепли они от сильного грохота. Загремело, говорят, с такой силой, что сразу ослепли. Доктора им: да не может этого быть, вспомните хорошенько! Нет, стоят на своем: сильнейший гром, от которого и ослепли. И при этом никто, кроме них, грома не слышал...

Да, будто здесь ничего не случилось. Вон киоск стоит стеклянный, целехонек. Детская коляска в воротах – даже бельишко в ней вроде бы чистое... Антенны вот только подвели – обросли какими-то волосами наподобие мочала. Очкарики наши на эти антенны давно уже зубы точат: интересно, видите ли, им посмотреть, что это за мочало – нигде такого больше нет, только в Чумном квартале и только на антеннах. А главное – тут же, рядом ведь, под самыми окнами. В прошлом году догадались: спустили с вертолета якорь на стальном тросе, зацепили одну мочалку. Только он потянул – вдруг «пш-ш-ш»! Смотрим – от антенны дым, от якоря дым, и сам трос уже дымится, да не просто дымится, а с ядовитым таким шипением, вроде как гремучая змея. Ну, пилот, даром что лейтенант, быстро сообразил, что к чему, трос выбросил и сам деру дал... Вон он, этот трос, висит, до самой земли почти свисает и весь мочалом оброс...

Так потихоньку-полегоньку доплыли мы до конца улицы, до поворота. Кирилл посмотрел на меня: сворачивать? Я ему махнул: самый малый! Повернула наша «галюша» и пошла самым малым над последними метрами человеческой земли. Тротуар ближе, ближе, вот уже и тень «галюши» на колючки упала... Все, Зона! И сразу такой озноб по коже. Каждый раз у меня этот озноб, и до сих пор я не знаю, то ли это так Зона меня встречает, то ли нервишки у сталкера шалят. Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других бывает то же самое или нет, и каждый раз забываю.

Ну ладно, ползем потихоньку над бывшими огородами, двигатель под ногами гудит ровно, спокойно – ему-то что, его не тронут. И тут мой Тендер не выдержал. Не успели мы еще до первой вешки дойти, как принялся он болтать. Ну, как обычно новички болтают в Зоне: зубы у него стучат, сердце заходится, себя плохо помнит, и стыдно ему, и удержаться не может. По-моему, это у них вроде поноса, от человека не зависит, а льет себе и льет. И чего только они не болтают! То начнет пейзажем восхищаться, то примется высказывать свои соображения по поводу пришельцев, а то и вообще к делу не относящееся – вот как Тендер сейчас: завел про свой новый костюм и уже остановиться не может. Сколько он заплатил за него, да какая шерсть тонкая, да как ему портной пуговицы менял...

– Замолчи, – говорю.

Он грустно так на меня посмотрел, губами пошлепал – и опять: сколько шелку на подкладку пошло. А огороды уже кончаются, под нами уже глинистый пустырь, где раньше городская свалка была, и чувствую я – ветерком здесь тянет. Только что никакого ветра не было, а тут вдруг потянуло, пылевые чертики побежали, и вроде бы я что-то слышу.

– Молчи, сволочь! – говорю я Тендеру.

Нет, никак не может остановиться. Теперь про конский волос завел. Ну, тогда извини.

– Стой, – говорю Кириллу.

Он немедленно тормозит. Реакция хорошая, молодец. Беру я Тендера за плечо, поворачиваю его к себе и с размаху – ладонью ему по забралу. Треснулся он, бедняга, носом в стекло, глаза закрыл и замолчал. И как только он замолчал, я услышал: «Тр-р-р... Тр-р-р... Тр-р-р...». Кирилл на меня смотрит, зубы стиснуты, рот оскален. Я рукой ему показываю, – стой, мол, стой, ради бога, не шевелись. Но ведь он тоже этот треск слышит, и, как у всех новичков, у него сразу позыв – действовать, делать что-нибудь.

– Задний ход? – шепчет.

Я ему отчаянно головой мотаю, кулаком перед самым шлемом трясую – нишкни, мол. Эх, мать честная! С этими новичками не знаешь, куда смотреть – то ли в поле смотреть, то ли на них. И тут я про все забыл. По-над кучей старого мусора, над битым стеклом и тряпьем разным поползло такое дрожание, трепет какой-то, ну как горячий воздух в полдень над железной крышей, перевалило через бугор и пошло, пошло, пошло нам наперерез, рядом с самой вешкой, над дорогой задержалось, постояло с полсекунды – или это мне показалось только? – и утянулось в поле, за кусты, за гнилые заборы, туда, к кладбищу старых машин.

Мать их, очкариков, в чертову душу, надо же, сообразили, где дорогу провесить: по выемке! Ну, и я тоже хорош – куда это мои глаза дурацкие глядели, когда я ихней картой восхищался?

– Давай малый вперед, – говорю я Кириллу.

– А что это было?

– А хрен его знает!.. Было – и нету, и слава богу. И заткнись, пожалуйста. Ты сейчас не человек, понял? Ты сейчас – машина, рычаг мой, шестерня...

Тут я спохватился, что меня, похоже, самого словесный понос одолевает начинает.

– Все, – говорю. – Ни слова больше.

Хлебнуть бы сейчас! Достать из-за пазухи родимую, свинтить колпачок, не торопясь, горлышко на нижние зубы положить и голову задрать, чтобы само полилось, в самую глотку чтобы, продрало бы, слезу выточило... А потом флягу покачать и еще раз приложиться... Барахло эти скафандры, вот что я вам скажу. Без скафандра я, ей-богу, столько прожил и еще столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну да ладно!

Ветерок вроде бы упал, и ничего дурного вокруг не слышно, только двигатель гудит спокойно так, сонно. А вокруг солнце, а вокруг жара... Над гаражом марево... Все вроде бы нормально, вешки одна за другой мимо проплывают. Тендер молчит, Кирилл молчит – шлифуются новички. Ничего, ребята, в Зоне тоже дышать можно, если умеючи... А вот и двадцать седьмая вешка – железный шест и красный круг на нем с номером 27. Кирилл на меня посмотрел, кивнул я ему, и наша «галюша» остановилась.

Цветочки кончились, пошли ягодки. Теперь самое главное для нас – полнейшее спокойствие. Торопиться некуда, ветра нет, видимость хорошая, все как на ладони. Вон канава проходит, где Слизняк гробанулся, – пестрое там что-то виднеется, может, тряпье его. Паршивый был парень, упокой господи его душу, жадный, глупый, грязный, только такие вот со Стервятником и связываются, таких Стервятник Барбридж за версту видит и под себя подгребают... А вообще-то Зона не спрашивает, плохой ты или хороший, и спасибо тебе, выходит, Слизняк: дурак ты был, даже имени настоящего твоего никто не помнит, а умным людям показал, куда ступать нельзя... Так. Конечно, лучше всего добраться бы нам теперь до асфальта. Асфальт ровный, на нем все виднее, и трещина там эта знакомая. Только вот не нравятся мне эти бугорочки! Если по прямой к асфальту идти, проходить придется как раз между ними. Ишь стоят, будто ухмыляются, ожидают. Нет, промежду вами я не пойду. Вторая заповедь сталкера: либо справа, либо слева все должно быть чисто на сто шагов. А вот через левый бугорочек перевалить можно... Правда, не знаю я, что там за ним. На карте как будто ничего не было, но кто же картам верит?..

– Слушай, Рэд, – шепчет мне Кирилл. – Давай прыгнем, а? На двадцать метров вверх и сразу вниз – вот мы и у гаража, а?

– Молчи, дурак, – говорю я. – Не мешай, молчи.

Вверх ему. А долбанет тебя там на двадцати метрах? Костей ведь не соберешь. Или «комариная плешь» где-нибудь здесь объявится – тут не то что костей, мокрого места не останется. Ох уж эти мне рискованные, не терпится ему, видишь ты: давай прыгнем... В общем, как до бугра идти – ясно, а там постоим посмотрим. Сунул я руку в карман, вытащил горсть гаек. Показал их Кириллу на ладони и говорю:

– Мальчика-с-пальчик помнишь? Проходили в школе? Так вот сейчас будет все наоборот. Смотри! – И бросил я первую гаечку. Недалеко бросил, как положено. Метров на десять. Гаечка прошла нормально. – Видел?

– Ну? – говорит.

– Не ну, а видел, я спрашиваю?

– Видел.

– Теперь самым малым ведем «галошу» к этой гаечке и в двух метрах до нее не доходя остановись. Понял?

– Понял. Гравиконцентраты ищешь?

– Что надо, то и ищу. Подожди, я еще одну брошу. Следи, куда упадет, и глаз с нее больше не спускай.

Бросил я еще одну гайку. Само собой, тоже прошла нормально и легла рядом с первой.

– Давай, – говорю.

Тронул он «галошу». Лицо у него спокойное и ясное сделалось: видно, все понял. Они ведь все, очкарики, такие. Им главное – название придумать. Пока не придумал, смотреть на него жалко, дурак дураком. Ну а как придумал какой-нибудь гравиконцентрат ор – тут ему словно все понятно становится, и сразу ему жить легче.

Прошли мы первую гайку, прошли вторую, третью. Тендер вздыхает, с ноги на ногу переминается и то и дело зеваает от нервности с таким собачьим прискуливанием – томно ему, бедняге. Ничего, это ему на пользу. Пяток кило он сегодня скинет, это лучше всякой диеты... Бросил я четвертую гаечку. Как-то она не так прошла. Не могу объяснить, в чем дело, но чувствую – не так, и сразу хватить Кирилла за руку.

– Стой, – говорю. – Ни с места...

А сам взял пятую и кинул повыше и подальше. Вот она, «плешь комариная»! Гаечка вверх полетела нормально, вниз – тоже вроде нормально было пошла, но на полпути ее словно кто-то вбок дернул, да так дернул, что она в глину ушла и с глаз исчезла.

– Видел? – говорю я шепотом.

– В кино только видел, – говорит, а сам весь вперед подался, того и гляди с «галоши» сверзится. – Брось еще одну, а?

Смех и грех. Одну! Да разве здесь одной обойдешься? Эх, наука!.. Ладно, разбросал я еще восемь гаек, пока «плешь» не обозначил. Честно говоря, и семи хватило бы, но одну я специально для него бросил, в самую серединку, пусть полюбуется на свой концентрат. Ахнула она в глину, словно это не гаечка упала, а пятипудовая гиря. Ахнула – и только дырка в глине. Он даже крикнул от удовольствия.

– Ну ладно, – говорю. – Побаловались, и хватит. Сюда смотри. Кидаю проходную, глаз с нее не спускай.

Короче, обошли мы «комариную плешь» и поднялись на бугорок. Бугорок этот – как кот нагадил, я его до сегодняшнего дня вообще не примечал. Да... Ну зависли мы над бугорком, до асфальта рукой подать, шагов двадцать. Место чистейшее – каждую травинку видно, каждую трещинку. Казалось бы, ну что? Кидай гайку, и с богом.

Не могу кинуть гайку.

Сам не понимаю, что со мной делается, но гайку кинуть никак не решусь.

– Ты что, – говорит Кирилл, – чего мы стоим?

– Подожди, – говорю. – Замолчи, ради бога.

Сейчас, думаю, кину гаечку, спокойненько пройдем, как по маслу проплывем, травинка не шелохнется, – полминуты, а там и асфальт... И тут вдруг потом меня как прошибет! Даже глаза залило, и уже знаю я, что гаечку туда кидать не буду. Влево – пожалуйста, хоть две. И дорога туда длиннее, и камушки какие-то я там вижу не шибко приятные, но туда я гаечку кинуть берусь, а прямо – ни за что. И кинул я гаечку влево. Кирилл ничего не сказал, повернул «галошу», подвел к гайке и только тогда на меня посмотрел. И вид у меня, должно быть, был очень нехорош, потому что он тут же отвел глаза.

– Ничего, – я ему говорю. – Кривой дорогой поближе будет. – И кинул последнюю гаечку на асфальт.

Дальше дело пошло проще. Нашел я свою трещинку, чистая она оказалась, милая моя, никакой дрянью не заросла, цвет не переменила, смотрел я на нее и тихо радовался. И довела она нас до самых ворот гаража лучше всяких вешек.

Я приказал Кириллу снизиться до полутора метров, лег на брюхо и стал смотреть в раскрытые ворота. Сначала с солнца ничего не было видно – черно и черно, потом глаза привыкли, и вижу я, что в гараже с тех пор ничего вроде бы не переменилось. Тот самосвал как стоял на яме, так и стоит, целехонький стоит, без дыр, без пятен, и на цементном полу вокруг все как прежде – потому, наверное, что «ведьмина студня» в яме мало скопилось, не выплескивался он с тех пор ни разу. Одно мне только не понравилось: в самой глубине гаража, где канистры стоят, серебрится что-то. Раньше этого не было. Ну ладно, серебрится так серебрится, не возвращаться же теперь из-за этого! Ведь не как-нибудь особенно серебрится, а чуть-чуть, самую малость, и спокойно так, вроде бы даже ласково... Поднялся я, отряхнул брюхо и поглядел по сторонам. Вон грузовики на площадке стоят, действительно, как новенькие, – с тех пор как я последний раз здесь был, они, по-моему, еще новее стали, а бензовоз – тот совсем, бедняга, проржавел, скоро разваливаться начнет. Вон и крышка валяется, которая у них на карте...

Не понравилась мне эта крышка. Тень от нее какая-то ненормальная. Солнце нам в спину, а тень к нам протянулась. Ну да ладно, до нее далеко. В общем, ничего, работать можно. Только что это там все-таки серебрится? Или это мерещится мне? Сейчас бы закурить, присесть тихонечко и поразмыслить – почему над канистрами серебрится, почему рядом не серебрится... Тень почему такая от крышки... Стервятник Барбридж про тени что-то рассказывал, диковинное что-то, но безопасное... С тенями здесь бывает. А вот что это там все-таки серебрится? Ну прямо как паутина в лесу на деревьях. Какой же это паучок ее там сплел? Ох, ни разу я еще жучков-паучков в Зоне не видел. И хуже всего, что «пустышка» моя как раз там, шагах в двух от канистр, валяется. Надо мне было тогда же ее и упереть, никаких бы забот сейчас не было. Но уж больно тяжелая, стерва, полная ведь – поднять-то я ее мог, но на горбу тащить, да еще ночью, да на карачках... А кто «пустышек» ни разу не таскал, пусть попробует: это все равно что пуд воды без ведер нести... Так идти, что ли? Надо идти. Хлебнуть бы сейчас... Повернулся я к Тендеру и говорю:

– Сейчас мы с Кириллом пойдем в гараж. Ты остаешься здесь за водителя. К управлению без моего приказа не притрагивайся, что бы ни случилось, хоть земля под тобой загорится. Если трусишь – на том свете найду.

Он серьезно мне покивал – не струшу, мол. Нос у него – что твоя слива, здорово я ему врезал... Ну, спустил я тихонечко аварийные блок-тросы, посмотрел еще раз на это серебрение, махнул Кириллу и стал спускаться. Встал на асфальт, жду, пока он спустится по другому тросу.

– Не торопись, – говорю ему. – Не спеши. Меньше пыли.

Стоим мы на асфальте, «галоша» рядом с нами покачивается, тросы под ногами ерзают. Тендер башку через перила выставил, на нас смотрит, и в глазах у него отчаяние. Надо идти. Я говорю Кириллу:

– Иди за мной шаг в шаг, в двух шагах позади, смотри мне в спину, не зевай.

И пошел. На пороге остановился, огляделся. Все-таки до чего же проще работать днем, чем ночью! Помню я, как лежал вот на этом самом пороге. Темно, как у негра в ухе, из ямы «ведьмин студень» языки высовывает, голубые, как спиртовое пламя, и ведь что обидно – ничего, сволочь, не освещает, даже темнее из-за этих языков кажется. А сейчас – что! Глаза к сумраку привыкли, все как на ладони, даже в самых темных углах пыль видна. И действительно, серебрится там, нити какие-то серебристые тянутся от канистр к потолку – очень на паутину похоже. Может, паутина и есть, но лучше от нее подальше. Вот тут-то я и напортачил. Мне бы Кирилла рядом с собой поставить, подождать, пока и у него глаза к полутьме привыкнут, и показать ему эту паутину, пальцем в нее ткнуть. А я привык один работать – у самого глаза пригляделись, а про Кирилла я и не подумал.

Шагнул это я внутрь, и прямо к канистрам. Присел над «пустышкой» на корточки, к ней паутина вроде бы не пристала. Взялся я за один конец и говорю Кириллу:

– Ну, берись, да не урони – тяжелая...

Поднял я на него глаза, и горло у меня перехватило: ни слова не могу сказать. Хочу крикнуть: стой, мол, замри! – и не могу. Да и не успел бы, наверное, – слишком уж быстро все получилось. Кирилл шагает через «пустышку», поворачивается задом к канистрам и всей спиной – в это серебрение. Я только глаза закрыл. Все во мне обмерло, ничего не слышу – слышу только, как эта паутина рвется. Со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина лопается, но, конечно, погромче. Сижу я с закрытыми глазами, ни рук, ни ног не чувствую, а Кирилл говорит:

– Ну, что? – говорит. – Взяли?

– Взяли, – говорю.

Подняли мы «пустышку» и понесли к выходу, боком идем. Тяжеленная, стерва, даже вдвоем ее тащить нелегко. Вышли мы на солнышко, остановились у «галоши», Тендер к нам уже лапы протянул.

– Ну, – говорит Кирилл, – раз, два...

– Нет, – говорю, – погоди. Поставим сначала.

Поставили.

– Повернись, – говорю, – спиной.

Он без единого слова повернулся. Смотрю я – ничего у него на спине нет. Я и так и этак – нет ничего. Тогда я поворачиваюсь и смотрю на канистры. И там ничего нет.

– Слушай, – говорю я Кириллу, а сам все на канистры смотрю. – Ты паутину видел?

– Какую паутину? Где?

– Ладно, – говорю. – Счастлив наш бог. – А сам про себя думаю: сие, впрочем, пока неизвестно. – Давай, – говорю, – берись.

Взвалили мы «пустышку» на «галошу» и поставили ее на попа, чтобы не каталась. Стоит она, голубушка, – новенькая, чистенькая, на меди солнышко играет, и синяя начинка между медными дисками туманно так переливается, струйчато. И видно теперь, что не «пустышка» это, а именно вроде сосуда, вроде стеклянной банки с синим сиропом. Полюбовались мы на нее, вскарабкались на «галошу» сами и без лишних слов – в обратный путь.

Лафа этим ученым! Во-первых, днем работают. А во-вторых, ходить им тяжело только в Зону, а из Зоны «галоша» сама везет – есть у нее такое устройство, курсограф, что ли, которое ведет «галошу» точно по тому же курсу, по какому она сюда шла. Плыдем мы обратно, все маневры повторяем, останавливаемся, повисим немного – и дальше, и над всеми моими гайками проходим, хоть собирай их обратно в мешок.

Новички мои, конечно, сразу воспрянули духом. Головами вертят вовсю, страха у них почти не осталось – одно любопытство да радость, что все благополучно обошлось. Принялись болтать. Тендер руками замахал и грозит, что вот сейчас пообедает – и сразу обратно в Зону, дорогу к гаражу проवेशивать, а Кирилл взял меня за рукав и принялся мне объяснять про этот свой гравиконцентрат, про «комариную плешь» то есть. Ну, я их не сразу, правда, но укоротил. Спокойненько так рассказал им, сколько дураков гробанулись на радостях на обратном пути. Молчите, говорю, и глядите как следует по сторонам, а то будет с вами как с Линдоном-Коротышкой. Подействовало. Даже не спросили, что случилось с Линдоном-Коротышкой. И хорошо. В Зоне по знакомой дороге сто раз благополучно пройдешь, а на сто первый гробанешься. Плыдем в тишине, а я об одном думаю: как буду свинчивать крышечку. Так и этак представляю себе, как первый глоток сделаю, а перед глазами нет-нет да паутинка и блеснет.

Короче говоря, выбрались мы из Зоны, загнали нас с «галошей» вместе в «вошебойку», или, говоря по-научному, в санитарный ангар. Мыли нас там в трех кипятках и трех щелочах, облучали какой-то сволочью, обсыпали чем-то и снова мыли, потом высушили и сказали: «Валяйте, ребята, свободны!» Тендер с Кириллом поволокли «пустышку». Народу набежало смотреть – не протолкнешься, и ведь что характерно: все только смотрят и издают приветственные возгласы, а взяться и помочь усталым людям тащить – ни одного смельчака не нашлось... Ладно, меня это все не касается. Меня теперь ничто не касается...

Стянул я с себя спецкостюм, бросил его прямо на пол – холуи-сержанты подберут, – а сам двинул в душевую, потому что мокрый я был весь с головы до ног. Заперся в кабинке, вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался к ней, как клоп. Сажу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое, как воду. Живой. Отпустила Зона. Отпустила, поганка. Стерва родимая. Подлая. Живой. Ни хрена новичкам этого не понять. Никому, кроме сталкера, этого не понять. И текут у меня по щекам слезы – то ли от крепкого, то ли сам не знаю отчего. Высосал флягу досуха – сам мокрый, фляга сухая. Одного последнего глотка, конечно, не хватило. Ну ладно, это поправимо. Теперь все поправимо. Живой. Закурил сигарету, сажу. Чувствую – отходить начал. Премияльные в голову пришли. Это у нас в Институте поставлено отчетливо. Прямо хоть сейчас иди и получай конвертик. А может, и сюда принесут, прямо в душевую.

Стал я потихоньку раздеваться. Снял часы, смотрю – а в Зоне-то мы пробыли пять часов с минутами, господа мои! Пять часов. Меня аж передернуло. Да, господа мои, в Зоне времени нет. Пять часов... А если разобраться, что такое для сталкера пять часов? Да плюнуть и растереть. А двенадцать часов не хочешь? А двое суток не хочешь? Когда за ночь не успел, целый день в Зоне лежишь рылом в землю и уже не молишься даже, а вроде бы бредишь, и сам не знаешь, живой ты или мертвый... А во вторую ночь дело сделал, подобрался с хабаром к кордону, а там патрули-пулеметчики, жабы, они же тебя ненавидят, им же тебя арестовывать никакого удовольствия нет, они тебя боятся до смерти, что ты заразный, они тебя шлепнуть стремятся, и все козыри у них на руках; иди потом доказывай, что шлепнули тебя незаконно... И значит, снова рылом в землю – молиться до рассвета и опять до темноты, а хабар рядом лежит, и ты даже не знаешь, то ли он просто лежит, то ли он тебя тихонько убивает. Или как Мослатый Исхак – застрял на рассвете на открытом месте, сбился с дороги и застрял между двумя канавами – ни вправо, ни влево. Два часа по нему стреляли, попасть не могли. Два часа он мертвым притворялся. Слава богу, надоело им, поверили, ушли наконец. Я его потом увидел – не узнал, сломали его, как не было человека...

Отер я слезы и включил воду. Долго мылся. Горячей мылся, холодной мылся, снова горячей. Мыла целый кусок извел. Потом надоело. Выключил душ и слышу – барабанят в дверь, и Кирилл весело орет:

– Эй, сталкер, вылезай! Зелененькими пахнет!

Зелененькие – это хорошо. Открыл я дверь, стоит Кирилл голый, в одних трусах, веселый, без никакой меланхолии, и конверт мне протягивает.

– Держи, – говорит, – от благодарного человечества.

– Кашлял я на твоё человечество! Сколько здесь?

– В виде исключения и за геройское поведение в опасных обстоятельствах – два оклада!

Да. Так жить можно. Если бы мне здесь за каждую «пустышку» по два оклада платили, я бы Эрнеста давным-давно подальше послал.

– Ну как, доволен? – спрашивает Кирилл, а сам сияет, рот до ушей.

– Ничего, – говорю. – А ты?

Он ничего не сказал. Обхватил меня за шею, прижал к потной своей груди, притиснул, оттолкнул и скрылся в соседней кабине.

– Эй! – кричу я ему вслед. – А Тендер что? Подштанники небось стирает?

– Что ты! Тендера там корреспонденты окружили, ты бы на него посмотрел, какой он важный... Он им так все компетентно излагает...

– Как, – говорю, – излагает?

– Компетентно.

– Ладно, – говорю, – сэр. В следующий раз захвачу словарь, сэр. – И тут меня словно током ударило. – Подожди, Кирилл, – говорю. – Ну-ка выйди сюда.

– Да я уже голый, – говорит.

– Выйди, я не баба!

Ну, он вышел. Взял я его за плечи, повернул спиной. Нет, показалось. Чистая спина. Струйки пота засохли.

– Чего тебе моя спина далась? – спрашивает он.

Отвесил я ему пинка под голую задницу, нырнул к себе в душевую и заперся. Нервы, черт бы их подрал. Там мерещилось, здесь мерещится... К дьяволу все это! Напьюсь сегодня как зюзя. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет... Ну ни с какой картой его не возмешь. Я уж и передергивать пробовал, и карты под столом крестил, и по-всякому...

– Кирилл! – кричу. – В «Боржч» сегодня придешь?

– Не в «Боржч», а в «Борщ», сколько раз тебе говорить...

– Брось! Написано – «Боржч». Ты к нам со своими порядками не суйся. Так придешь или нет? Ричарда бы ободрать...

– Ох, не знаю, Рэд. Ты ведь, простая твоя душа, и не понимаешь, какую мы штуку притащили...

– А ты-то понимаешь?

– Я, впрочем, тоже не понимаю. Это верно. Но теперь, во-первых, понятно, для чего эти «пустышки» служили, а во-вторых, если одна моя идейка пройдет... Напишу статью и тебе ее персонально посвящу: Рэдрику Шухарту, почетному сталкеру, с благоговением и благодарностью посвящаю.

– Тут-то меня и упекут на два года, – говорю я.

– Зато в науку войдешь. Так эту штуку и будут называть – «банка Шухарта». Звучит?

Пока мы так трепались, я оделся. Сунул пустую флягу в карман, пересчитал зелененькие и пошел себе.

– Счастливо тебе оставаться, сложная твоя душа...

Он не ответил – вода сильно шумела.

Смотрю – в коридоре господин Тендер собственной персоной, красный весь и надутый, что твой индюк. Вокруг него толпа – тут и сотрудники, и корреспонденты, и пара сержантов затесалась (только что с обеда, в зубах ковыряют), а он знай себе болбочет: «Та техника, которой мы располагаем, – болбочет, – дает почти стопроцентную гарантию успеха и безопасно-

сти...» Тут он меня увидал и сразу же несколько усох – улыбается, ручкой делает. Ну, думаю, надо удирать. Рванул я когти, однако не успел. Слышу – топочут позади.

– Господин Шухарт! Господин Шухарт! Два слова о гараже!

– Комментариев не имею, – отвечаю я и перехожу на бег. Но черта с два от них оторвешься: один, с микрофоном, – справа, другой, с фотоаппаратом, – слева.

– Видели ли вы в гараже что-нибудь необычное? Буквально два слова!

– Нет у меня комментариев! – говорю я, стараясь держаться к объективу затылком. – Гараж как гараж...

– Благодарю вас. Какого вы мнения о турбоплатформах?

– Прекрасного, – говорю я, а сам нацеливаюсь точнехонько в сортир.

– Что вы думаете о целях Посещения?

– Обратитесь к ученым, – говорю. И раз – за дверь.

Слышу – скребутся. Тогда я им через дверь говорю:

– Настоятельно рекомендую, – говорю, – расспросите господина Тендера, почему у него нос как свекла. Он по скромности умалчивает, а это было наше самое увлекательное приключение.

Как они вдарят по коридору! Как лошади, ей-богу. Я выждал минуту – тихо. Высунулся – никого. И пошел себе, посвистывая. Спустился в проходную, предъявил дылде пропуск, смотрю – он мне честь отдает. Герою дня, значит.

– Вольно, сержант, – говорю. – Я вами доволен.

Он осклабился, как будто я ему бог весть как польстил.

– Ну, ты, Рыжий, молодец, – говорит. – Горжусь, – говорит, – таким знакомством.

– Что, – говорю, – будет тебе в твоей Швеции о чем девкам рассказывать?

– Спрашиваешь! – говорит. – Они ж у меня кипятком будут писать!

Нет, ничего он парень. Я, если честно, таких рослых и румяных не люблю. Девки от них без памяти, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело... Иду это я по улице и размышляю, в чем же тут дело. Солнышко светит, безлюдно вокруг. И захотелось мне вдруг прямо сейчас же Гуту увидеть. Просто так. Посмотреть на нее, за руку подержать. После Зоны человеку только одно и остается – за руку девочку подержать. Особенно когда вспомнишь все эти разговоры про детей сталкеров – какие они получаются... Да уж какая сейчас Гута, мне сейчас для начала бутылку крепкого, не меньше.

Миновал я автомобильную стоянку, а там и кордон. Стоят две патрульные машины во всей своей красе, широкие, желтые, прожекторами и пулеметами, жабы, оцетинились, ну и, конечно, голубые каски – всю улицу загородили, не протолкнешься. Я иду, глаза опустил, лучше мне сейчас на них не смотреть, днем на них мне лучше не смотреть совсем: есть там два-три рыла, так я боюсь их узнать, скандал большой получится, если я их узнаю. Повезло им, ей-богу, что Кирилл меня в Институт сманил, я их, гадов, искал тогда, пришел бы и не дрогнул...

Прохожу я через эту толпу плечом вперед, совсем прошел уже, и тут слышу: «Эй, сталкер!» Ну, это меня не касается, иду дальше, волоку из пачки сигаретку. Догоняет сзади кто-то, берет за рукав. Я эту руку с себя стряхнул и вполоборота вежливенько так спрашиваю:

– Какого дьявола цепляешься, мистер?

– Постой, сталкер, – говорит он. – Два вопроса.

Поднял я на него глаза – капитан Квотерблад. Старый знакомый. Совсем ссохся, желтый стал какой-то.

– А, – говорю, – здравия желаю, капитан. Как ваша печень?

– Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай, – говорит он сердито, а сам так и сверлит меня глазами. – Ты мне лучше скажи, почему сразу не останавливаешься, когда тебя зовут?

И уже тут как тут две голубые каски у него за спиной – лапы на кобурах, глаз не видно, только челюсти под касками шевелятся. И где у них в Канаде таких набирают? На племя их

нам прислали, что ли?.. Днем я патрулей вообще-то не боюсь, но вот обыскать, жабы, могут, а это мне в данный момент ни к чему.

– Да разве вы меня звали, капитан? – говорю. – Вы же какого-то Сталкера...

– А ты, значит, уже и не сталкер?

– Как по вашей милости отсидел – бросил, – говорю. – Завязал. Спасибо вам, капитан, глаза у меня тогда открылись. Если бы не вы...

– Что в предзоннике делал?

– Как что? Я там работаю. Два года уже.

И, чтобы закончить этот неприятный разговор, вынимаю я свое удостоверение и предъявляю его капитану Квотербладу. Он взял мою книжечку, перелистал, каждую страничку, каждую печать просто-таки обнюхал, чуть ли не облизал. Возвращает мне книжечку, а сам доволен, глаза разгорелись, и даже зарумянился.

– Извини, – говорит, – Шухарт. Не ожидал. Значит, – говорит, – не прошли для тебя мои советы даром. Что ж, это прекрасно. Хочешь – верь, хочешь – не верь, а я еще тогда предполагал, что из тебя толк должен получиться. Не допускал я, чтобы такой парень...

И пошел, и пошел. Ну, думаю, вылечил я еще одного меланхолика себе на голову, а сам, конечно, слушаю, глаза смущенно опускаю, поддакиваю, руками развожу и даже, помнится, ножкой застенчиво этак панель ковыряю. Эти громилы у капитана за спиной послушали-послушали, замутило их, видно, гляжу – потопали прочь, где веселее. А капитан знай мне о перспективах излагает: ученье, мол, свет, неученье – тьма крошечная, Господь, мол, честный труд любит и ценит, – в общем, несет он эту разнузданную тягомотину, которой нас священник в тюрьме каждое воскресенье травил. А мне выпить хочется – никакого терпезу нет. Ничего, думаю, Рэд, это ты, браток, тоже выдержишь. Надо, Рэд, терпи! Не сможет он долго в таком же темпе, вот уже и задыхаться начал... Тут, на мое счастье, одна из патрульных машин принялась сигналить. Капитан Квотерблад оглянулся, крикнул с досадой и протягивает мне руку.

– Ну что ж, – говорит. – Рад был с тобой познакомиться, честный человек Шухарт. С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства. Крепкого, правда, мне нельзя, доктора не велят, но пивка бы я с тобой выпил. Да вот видишь – служба! Ну, еще встретимся, – говорит.

Не приведи господь, думаю. Но ручку ему пожимаю и продолжаю краснеть и делать ножкой – все, как ему хочется. Потом он ушел наконец, а я чуть ли не стрелой – в «Боржч».

В «Боржче» в это время пусто. Эрнест стоит за стойкой, бокалы протирает и смотрит их на свет. Удивительная, между прочим, вещь: как ни придешь – вечно эти бармены бокалы протирают, словно у них от этого зависит спасение души. Вот так и будет стоять хоть целый день – возьмет бокал, прищурится, посмотрит на свет, подышит на него и давай тереть: потрет-потрет, опять посмотрит, теперь уже через донышко, и опять тереть...

– Здорово, Эрни! – говорю. – Хватит тебе его мучить, дыру протрешь!

Поглядел он на меня через бокал, пробурчал что-то, будто животом, и, не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул. Холодильник пощелкивает, из музыкального автомата доносится какое-то тихое пиликанье, Эрнест сопит в очередной бокал – хорошо, спокойно... Я допил, поставил бокал на стойку, и Эрнест без задержки наливает мне еще на четыре пальца прозрачного.

– Ну что, полегче стало? – бурчит. – Оттаял, сталкер?

– Ты знай себе три, – говорю. – Знаешь, один тёр-тёр и злого духа вызвал. Жил потом в свое удовольствие.

– Это кто же такой? – спрашивает Эрни с недоверием.

– Да был такой бармен здесь, – отвечаю. – Еще до тебя.

– Ну и что?

– Да ничего. Ты думаешь, почему Посещение было? Тёр он, тёр... Ты думаешь, кто нас посетил, а?

– Тепло ты, – говорит мне Эрни с одобрением.

Вышел он на кухню и вернулся с тарелкой – жареных сосисок принес. Тарелку поставил передо мной, пододвинул кетчуп, а сам – снова за бокалы. Эрнест свое дело знает. Глаз у него наметанный, сразу видит, что сталкер из Зоны, что хабар будет, и знает Эрни, чего сталкеру после Зоны надо. Свой человек – Эрни. Благодетель.

Доевши сосиски, я закурил и стал прикидывать, сколько же Эрнест на нашем брате зарабатывает. Какие цены на хабар в Европе – я не знаю, но краем уха слышал, что «пустышка», например, идет там чуть ли не за две с половиной тысячи, а Эрни дает нам всего четыреста. «Батарейки» там стоят не меньше ста, а мы получаем от силы по двадцать. Наверное, и все прочее в том же духе. Правда, переправить хабар в Европу тоже, конечно, денег стоит. Тому на лапу, этому на лапу, начальник станции наверняка у них на содержании... В общем, если подумать, не так уж много Эрнест и заколачивает – процентов пятнадцать-двадцать, не больше, а если попадется – десять лет каторги ему обеспечено...

Тут мои благочестивые размышления прерывает какой-то вежливый тип. Я даже не слышал, как он вошел. Объявляется он возле моего правого локтя и спрашивает:

– Разрешите?

– О чем речь! – говорю. – Прошу.

Маленький такой, худенький, с востреньким носиком и при галстучке бабочкой. Фотокарточка его вроде мне знакома, где-то я его уже видел, но где – не помню. Залез он на табурет рядом и говорит Эрнесту:

– Бурбон, пожалуйста! – И сразу же ко мне: – Простите, кажется, я вас знаю. Вы в Международном Институте работаете, так?

– Да, – говорю. – А вы?

Он ловко выхватывает из кармашка визитку и кладет передо мной. Читаю: «Алоиз Макно, полномочный агент Бюро эмиграции». Ну, конечно, знаю я его. Пристает к людям, чтобы они из города уехали. Кому-то очень надо, чтобы мы все из города уехали. Нас, понимаешь, в Хармонте и так едва половина осталась от прежнего, так им нужно совсем место от нас очистить. Отодвинул я карточку ногтем и говорю ему:

– Нет, – говорю, – спасибо. Не интересуюсь. Мечтаю, знаете ли, умереть на родине.

– А почему? – живо спрашивает он. – Простите за нескромность, но что вас здесь удерживает?

Так ему прямо и скажи, что меня здесь держит.

– А как же! – говорю. – Сладкие воспоминания детства. Первый поцелуй в городском саду. Маменька, папенька. Как в первый раз пьян надрался в этом вот баре. Милый сердцу полицейский участок... – Тут я достаю из кармана свой засморканный носовой платок и прикладываю к глазам. – Нет, – говорю. – Ни за что!

Он посмеялся, лизнул своего бурбону и задумчиво так говорит:

– Никак я вас, хармонтцев, не могу понять. Жизнь в городе тяжелая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком – Зона, живете как на вулкане. В любой момент может либо эпидемия какая-нибудь разразиться, либо что-нибудь похуже... Я понимаю – старики. Им трудно сняться с насиженного места. Но вот вы... Сколько вам лет? Года двадцать два, двадцать три, не больше... Вы поймите, наше Бюро – организация благотворительная, никакой корысти мы не извлекаем. Просто хочется, чтобы люди ушли с этого дьявольского места и включились бы в настоящую жизнь. Ведь мы обеспечиваем подъемные, трудоустройство на новом месте... молодым – таким, как вы, – обеспечиваем возможность учиться... Нет, не понимаю!

– А что, – говорю я, – никто не хочет уезжать?

– Да нет, не то чтобы никто... Некоторые соглашаются, особенно люди с семьями. Но вот молодежь, старики... Ну что вам в этом городе? Это же дыра, провинция...

И тут я ему выдал.

– Господин Алоиз Макно! – говорю. – Все правильно. Городишко наш – дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, – говорю, – это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш паршивый мир накачаем, что все переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет все, что надо. Вот вам и дыра. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звездам полетим, и куда хочешь доберемся. Вот такая у нас здесь дыра...

На этом месте я оборвал, потому что заметил, что Эрнест смотрит на меня с огромным удивлением, и стало мне неловко. Я вообще не люблю чужие слова повторять, даже если эти слова мне, скажем, нравятся. Тем более что у меня это как-то коряво выходит. Когда Кирилл говорит, заслушаться можно, рот забываешь закрывать. А я вроде бы то же самое излагаю, но получается как-то не так. Может быть, потому, что Кирилл никогда Эрнесту под прилавок хабар не складывал. Ну ладно...

Тут мой Эрнест спохватился и торопливо налил мне сразу пальцев на шесть: очухайся, мол, парень, что это с тобой сегодня? А востроносый господин Макно снова лизнул своего бурбону и говорит:

– Да, конечно... Вечные аккумуляторы, «синяя панацея»... Но вы и в самом деле верите, что будет так, как вы сказали?

– Это не ваша забота, во что я там на самом деле верю, – говорю я. – Это я про город говорил. А про себя я так скажу: чего я у вас там, в Европе, не видел? Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла – к постылой бабе под одеяло, ублюдков плодить. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел, – говорю, – занюханную.

– Ну почему же обязательно Европа?..

– А, – говорю, – везде одно и то же, а в Антарктиде еще вдобавок холодно.

И ведь что удивительно: говорил я ему и всеми печенками верил в то, что говорил. И Зона наша, гадина стервозная, убийца, во сто раз милее мне в этот момент была, чем все ихние Европы и Африки. И ведь пьян еще не был, а просто представилось мне на мгновение, как я весь измочаленный с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон и как все мне обрыдло и ничего мне не хочется.

– А вы что скажете? – обращается востроносый к Эрнесту.

– У меня дело, – веско отвечает Эрнест. – Я вам не сопляк какой-нибудь! Я все свои деньги в это дело вложил. Ко мне иной раз сам комендант заходит, генерал, не хвост собачий. Чего же я отсюда поеду?..

Господин Алоиз Макно принялся ему что-то втолковывать с цифрами, но я его уже не слушал. Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка – «Не возвращайся, если не уверен». Очень она на меня хорошо действует после Зоны... Ну, автомат, значит, гремит и завывает, а я забрал свой бокал и пошел в угол к «однорукому бандиту» старые счета сводить. И полетело время, как птичка...

Просаживаю это я последний никель, и тут вваливаются под гостеприимные своды Ричард Нунан с Гуталином. Гуталин уже на бровях – вращает белками и ищет, кому бы дать в ухо, а Ричард Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами. Хороша парочка! Гуталин здоровенный, черный, как офицерский сапог, курчавый, ручищи до колен, а Дик – маленький, кругленький, розовенький весь, благодостный, только что не светится.

– А! – кричит Дик, увидев меня. – Вот и Рэд здесь! Иди к нам, Рэд!

– Пр-равильно! – ревет Гуталин. – Во всем городе есть только два человека – Рэд и я! Все остальные – свиньи, дети сатаны. Рэд! Ты тоже служишь сатане, но ты все-таки человек...

Я подхожу к ним со своим бокалом, Гуталин сгребает меня за куртку, сажает за столик и говорит:

– Садись, Рыжий! Садись, слуга сатаны! Люблю тебя. Восплачем о грехах человеческих. Горько восплачем!

– Восплачем, – говорю. – Глотнем слез греха.

– Ибо грядет день, – возвещает Гуталин. – Ибо взнуздан уже конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаной прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, – вам говорю: слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки! – Тут он вдруг замолчал, словно забыл, как будет дальше. – А выпить мне здесь дадут? – спросил он уже другим голосом. – Или где это я?.. Знаешь, Рыжий, опять меня с работы поперли. Агитатор, говорят. Я им объясняю: опомнитесь, сами слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете! Смеются. Ну, я дал управляющему по харе и ушел. Посадят теперь. А за что?

Подошел Дик, поставил на стол бутылку.

– Сегодня я плачу! – крикнул я Эрнесту.

Дик на меня скосился.

– Все законно, – говорю. – Премию будем пропивать.

– В Зону ходили? – спрашивает Дик. – Что-нибудь вынесли?

– Полную «пустышку», – говорю я. – На алтарь науки. И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет?

– «Пустышку»!.. – горестно гудит Гуталин. – За какую-то «пустышку» жизнью своей рисковал! Жив остался, но в мир принес еще одно дьявольское изделие. А как ты можешь знать, Рыжий, сколько горя и греха...

– Засохни, Гуталин, – говорю я ему строго. – Пей и веселись, что я живой вернулся. За удачу, ребята!

Хорошо пошло за удачу. Гуталин совсем раскис – сидит, плачет, течет у него из глаз, как из водопроводного крана. Ничего, я его знаю. Это у него стадия такая – обливаться слезами и проповедовать, что Зона, мол, есть дьявольский соблазн, выносить из нее ничего нельзя, а что уже вынесли – вернуть обратно и жить так, будто Зоны вовсе нет. Дьяволово, мол, дьяволу. Я его люблю, Гуталина. Я вообще чудаков люблю. У него когда деньги есть, он у кого попало хабар скупает, не торгуясь, за сколько спросят, а потом ночью прет этот хабар обратно, в Зону, и там закапывает... Во ревет-то, господи помилуй! Ну ничего, он еще разойдется.

– А что это такое – «полная пустышка»? – спрашивает Дик. – Просто «пустышку» я знаю, а вот что такое полная? Первый раз слышу.

Я ему объяснил. Он головой покачал, губами почмокал.

– Да, – говорит. – Это интересно. Это, – говорит, – что-то новенькое. А с кем ты ходил? С русским?

– Да, – отвечаю. – С Кириллом и с Тендером. Знаешь, наш лаборант.

– Намучился с ними, наверное...

– Ничего подобного. Вполне прилично держались ребята. Особенно Кирилл. Прирожденный сталкер, – говорю. – Ему бы опыта побольше, торопливость с него эту ребячью сбить, я бы с ним каждый день в Зону ходил.

– И каждую ночь? – спрашивает он с пьяным смешком.

– Ты это брось, – говорю. – Шутки шутками...

– Знаю, – говорит он. – Шутки шутками, а за такое и по морде можно схлопотать. Считай, что я тебе должен две плюхи...

– Кому две плюхи? – встрепенулся Гуталин. – Который здесь?

Схватили мы его за руки, еле усадили. Дик ему сигарету в зубы вставил и зажигалку поднес. Успокоили. А народу тем временем все прибавляется. Стойку уже облепили, многие столики заняты. Эрнест своих девок кликнул, бегают они, разносят кому что – кому пива, кому коктейлей, кому чистого. Я смотрю, последнее время в городе много незнакомых появилось – все больше какие-то молокососы в пестрых шарфах до полу. Я сказал об этом Дику. Дик кивнул.

– А как же, – говорит. – Начинается большое строительство. Институт три новых здания закладывает, а кроме того, Зону собираются стеной огородить – от кладбища до старого ранчо. Хорошие времена для сталкеров кончаются...

– А когда они у сталкеров были? – говорю. А сам думаю: вот тебе и на, что еще за новости? Значит, теперь не подработаешь. Ну что ж, может, это и к лучшему – соблазна меньше. Буду ходить в Зону днем, как порядочный, – деньги, конечно, не те, но зато куда безопаснее: «галоша», спецкостюм, то-се, и на патрулей наплевать... Прожить можно и на зарплату, а выпивать буду на премиальные. И такая меня тоска взяла! Опять каждый грош считать: это можно себе позволить, это нельзя себе позволить, Гуте на любую тряпку копи, в бар не ходи, ходи в кино... И серо все, серо. Каждый день серо, и каждый вечер, и каждую ночь.

Сiju я так, думаю, а Дик над ухом гудит:

– Вчера в гостинице зашел я в бар принять ночной колпачок – сидят какие-то новые. Сразу они мне не понравились. Подсаживается один ко мне и заводит разговор издалека, дает понять, что он меня знает, знает, кто я, где работаю, и намекает, что готов хорошо оплачивать разнообразные услуги...

– Шпик, – говорю я. Не очень мне интересно было все это, шпииков я здесь навидался и разговоров насчет услуг наслышался.

– Нет, милый мой, не шпик. Ты послушай. Я немножко с ним побеседовал, – осторожно, конечно, дурачка такого соорстил. Его интересуют кое-какие предметы в Зоне, и при этом предметы серьезные. Аккумуляторы, «зуда», «черные брызги» и прочая бижутерия ему не нужна. А на то, что ему нужно, он только намекал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.